

Нижник Н.С.

**ҮЙ-БҮЛӨДӨГҮ ЗОМБУЛУК ЖАНА АНЫ МИЛИЦИЯ ОРГАНДАРЫ
ТАРАБЫНАН АЛДЫН АЛУУ АРАКЕТТЕРИ
(1960-жылдардагы Ленинграддагы кылмыштар боюнча маалымат)**

Нижник Н.С.

**НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ И ЕГО ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ
ОРГАНАМИ МИЛИЦИИ
(по сводкам о преступлениях в Ленинграде в 1960-х годах)**

N.S. Nizhnik

**FAMILY VIOLENCE AND ITS PREVENTION
BY MILITARY BODIES
(according to reports on crimes in Leningrad in the 1960s)**

УДК: 347.6/356

Макалада Ленинградда 1960-жылдардагы кылмыш-туулуктун абалы жана тиричилик кылмыштуулугун алдын алуу жана ага бөгөт коюу боюнча милиция тарабынан көрүлүп жаткан чаралар, ошондой эле аялдарга жана балдарга карата үй-бүлөдө күч колдонуу сыяктуу Ленинграддын күндөлүк турмушуна байланышкан маселелер каралууда. Ал турмуш-тиричилик зордугуна карата милициянын реакциясы көп учурда жетишсиз жана натыйжасыз деген корутунду чыгарылган.

Негизги сөздөр: Ленинград, укук бузуу, зомбулук, үй-бүлөлүк зомбулук, үй-бүлөлүк кылмыш, тиричилик кылмыштар, Ленинград милициясы.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся состояния преступности в Ленинграде в 1960-х годах и мер, которые предпринимали органы милиции для предотвращения и борьбы с преступлениями на бытовой почве, с физическим насилием в семье по отношению к женщинам и детям. Сделан вывод о том, что реакция милиции на факты насилия в семье была зачастую неадекватна и носила неэффективный характер.

Ключевые слова: Ленинград, правонарушение, насилие, насилие в семье, семейное преступление, бытовые преступления, Ленинградская милиция.

The issues relating to the daily life of Leningrad such as the state of crime in Leningrad in the 1960s and the measures taken by the militia to prevent and combat domestic crime, and physical violence in the family against women and children are considered in the article. It was concluded that the militia's reaction to domestic violence was often inadequate and ineffective.

Key words: Leningrad, offense, violence, domestic violence, family crime, domestic crimes, Leningrad police.

Насилие – атрибут социальной эволюции, один из самых простых способов разрешения социальных конфликтов. Вся социальная история – это череда насильственных физических, политических, экономических действий [7, с. 28-29]. Широкое применение

насилие находит в повседневных практиках различных социальных слоев [2, с. 7], в том числе и в семейной жизни. Неизбывность насилия как способа разрешения конфликтов заставляет современных исследователей предпринимать попытки выявления истоков побуждения к насильственным действиям, определять способы противостоять насилию посредством различных (в том числе и правовых) норм [2, с. 7-8; 5].

В послевоенном СССР в общественном сознании был создан образ крепкой советской семьи, в которой царили мир, любовь и взаимопонимание, а небольшие трудности бытия преодолевались совместными усилиями членов семьи. Сводки о преступлениях, аккумулируемые органами милиции, давали возможность разносторонней характеристики семейной жизни, которая оказывалась нетождественной созданному образу советской семьи.

Одним из наиболее развитых регионов страны в 1960-е годы был Северо-Запад России в целом и Ленинград и Ленинградская область в частности. Но и здесь очевидными были различные экономические и социальные проблемы. Рост населения Ленинграда осуществлялся преимущественно за счет миграции сельских жителей. Выросла доля лимитчиков – лиц, приехавших в город, получивших служебную прописку и жилую площадь, и обязанных несколько лет отработать на определенных рабочих местах. Выросло число пенсионеров, доля которых в Ленинграде стала составлять пятую часть горожан. В условиях экстенсивного развития экономики недостаток работников чувствовался все в большей степени. «Текущая» рабочей силы достигла 20-25% среднесписочного числа рабочих. Трудовая дисциплина падала. Реальная экономика рождала все новые ее «теневые» формы. Сокращалась реальная отдача научных учреждений. Усиливалась криминализация торговли. Свыше 40% семей продолжали жить в коммунальных

квартирах, составляющих 25% жилого фонда. Несколько сотен тысяч «лимитчиков» проживали в общежитиях. Продажа алкогольных напитков во второй половине 1960-х годов выросла почти вдвое. Научные работники, врачи и учителя оказались в категории работников, чья зарплата была средней или ниже средней. В экономике и социальной жизни нарастала критическая масса нерешенных проблем, которая находила отражение в криминогенной характеристике городской жизни.

Статистические данные свидетельствовали, что состояние преступности в Ленинграде – в целом благополучном регионе, требовало повышенного внимания: в Ленинградской области только за девять месяцев 1969 г. на почве бытовых ссор было совершено 30,5% умышленных убийств и покушений на убийство. В 28 случаях из 100 преступники по отношению к потерпевшим являлись родственниками; среди убийц и покушавшихся на убийство родственники потерпевших составили почти половину.

Количество преступлений в семье в 1960-е годы постепенно увеличивалось: число умышленных убийств по бытовым мотивам в целом по стране выросло с 48% в 1963 г. до 64% в 1970 г. [4, с. 167], а в Ленинграде доля бытовых убийств к 1970 г. достигла 67,5% [4, с. 167].

Нередко физическое насилие в семье по отношению к женщинам и детям являлось следствием бытового хулиганства [6]. По сводкам ленинградской милиции, доля бытового хулиганства выросла с 39,9% в 1966 г. до 50,3% в 1970г. За совершение мелкого хулиганства в Ленинграде в конце 1960-х ежегодно привлекалось около 30 тыс. человек (в 1967 г. – 34 396 человек, в 1969г. - 29876 человек, в 1970г. - 29 041 человек) [4, с. 167].

Подавляющее большинство правонарушений совершили лица в состоянии алкогольного опьянения. Только в 1970 г. с улиц Ленинграда было изъято 259 262 человека в состоянии опьянения, 211 627 человек на основании норм Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. [1, ст. 12] были привлечены к юридической ответственности.

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов в подразделения милиции Ленинграда ежегодно поступало 25–26 тыс. заявлений граждан о правонарушениях, связанных с конфликтами бытового характера [4, с. 168].

Потерпевшие с заявлением прибывали в отделение милиции и часто становились персонажами ситуации «укрывательства преступления», когда сотрудники милиции еще на этапе фиксации правонарушения, подачи заявления и выезда милицейских нарядов игнорировали сообщения о насилии в семье, семейных скандалах и ссорах. Практика «невмешательства милиции в семейные дела» приобрела в

Ленинграде такие масштабы, что руководство УВД Леноблгорисполкомов вынуждено было подготовить и 29 апреля 1967 г. направить на места приказ № 553 «О порядке приема, регистрации и проверки заявлений о преступлениях, содержащих признаки дел частного обвинения», в котором констатировало, что инспекторы дежурных частей милиции при обращении граждан с заявлениями о фактах домашнего насилия не во всех случаях принимали от них письменные заявления. Заявления граждан, в адрес которых звучали угрозы, или которые подвергались оскорблениям и избиениям в ходе семейной ссоры или конфликтов, в единую книгу происшествий не заносились. Милиционеры ограничивались выдачей направлений на судебно-медицинскую экспертизу, разъяснением порядка обращения в народный суд, но сами материалы проверок в народные суды не направляли. В результате лица, виновные в совершении преступлений, предусмотренных ст. 112 (побои), 130 (клевета), 131 (оскорбление) Уголовного кодекса РСФСР, зачастую оставались безнаказанными.

В действиях правонарушителей, как правило, содержались составы преступлений, предусмотренные ст. 112, 130, 131 УК РСФСР, уголовное преследование по которым, в соответствии с законом, могло возбуждаться только судом по жалобе потерпевшего. Но поскольку в законе (ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР) не содержалось прямого указания органам внутренних дел направлять эти материалы в нарсуды, они прекращались милицией, а потерпевшему разъяснялось его право непосредственно обратиться в суд. Но в нарсуды Ленинграда и Ленинградской области повторно обратились менее 2% потерпевших [4, с. 169]. Учитывая то, что число ежегодного поступления заявлений о правонарушениях, связанных с конфликтами бытового характера, составляло более 25 тыс., а в 1969 г. нарсудами Ленинграда было возбуждено только 258 дел, можно предположить, что остальные материалы, как и аналогичные ежегодно, оставались в архивах милиции, а правонарушители приобретали уверенность в собственной безнаказанности за насилие над домашними. Такая ситуация способствовала росту преступлений, совершаемых на бытовой почве. Неудовлетворительное поведение профилактических мероприятий с лицами, проявляющими насилие в отношении женщин, детей, стариков и инвалидов назвал среди причин, создающих обстановку безнаказанности для граждан, «терроризирующих семью и своих близких», министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков в секретном распоряжении № 239 в ноябре 1970 г. [4, с. 169].

Подавляющее большинство конфликтов в семье с применением насилия были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Закоренелых алкоголиков отправляли в вытрезвитель или лечебно-трудовой

профилакторий, но содержание пьяниц в ЛТП Управления исправительно-трудовых учреждений УВД Леноблгорисполкомов в 1970 г. было таковым, что они умудрялись и там приобретать и распивать спиртное [3, с. 196]. Закономерно, что в течение месяца после выписки из ЛТП открыто злоупотребляли алкоголем 47% лиц, завершивших там курс лечения, в течение последующих трех месяцев активно употребляли алкогольные напитки 73% бывших пациентов ЛТП. На работу они не устраивались, продолжали скандалить и тиранить своих близких и соседей [3, с. 202].

Конфликты в семье, драки, скандалы и физическое насилие в отношении детей провоцировали «уход» несовершеннолетних из таких семей на улицу и способствовали совершению ими разного рода правонарушений (в 1969 г. несовершеннолетними в Ленинграде было совершено 623 опасных преступления, в 1970 г. – 649 [4, с. 170]). Почти каждый из 3 тыс. учащихся школ, состоявших на учете в подразделениях милиции Ленинграда 1 июля 1971 г., сообщил, что его «жизнь в доме стала невыносимой...». В первом полугодии 1971 г. в детские комнаты милиции Ленинграда было доставлено около 4 тыс. школьников (53,9% от всех доставленных несовершеннолетних).

В делах частного обвинения о конфликтах в семье и применении насилия к женщинам и детям в семье нередко фигурировало гладкоствольное оружие. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 25 сентября 1969 г. требовал изъятия гладкоствольного оружия у лиц, совершающих бытовые правонарушения, высказывающих угрозу убийством, пьянствующих и страдающих психическими заболеваниями. Однако в начале 1970-х годов в Ленинграде и области эта работа, по оценке МВД СССР, проводилась неудовлетворительно, сопровождалась «кампанейщиной» и не устраняла угрозы применения оружия в семейных конфликтах.

Статистика свидетельствовала, что во второй половине 1960-х годов в Ленинграде число совершенных зарегистрированных преступлений росло: в 1965г. было совершено 10 780 преступлений, в 1966 г. – 11 267, в 1967 г. – 11 543, в 1968 г. – 652, в 1969 г. – 11 512 [4, с. 169].

В чем причины наличия и таких, наряду с иными – победными, успешными и конструктивными, характеристик советской действительности в стабильные 1960-е годы в одном из самых развитых регионов советской России – городе Ленинграде? Как могла возникнуть атмосфера внутрисемейной агрессии, сопровождающаяся угрозой для жизни членов семьи, нанесением телесных повреждений и убийствами близких родственников в обстановке, когда в начале 1960-х годов правящая в СССР партия в своей новой

программе закрепила развитие советской семьи как приоритетное направление реализации коммунистических ценностей?

Детерминант такого положения несколько. К ним, прежде всего, следует отнести то, что в СССР ни разу не была разработана и принята общегосударственная программа борьбы с преступностью (ни на короткий, ни на перспективный период развития государства и общества; ни для всего государства, ни для отдельного его региона). Советское государство взяло на себя одно из важнейших направлений в обеспечении внутренней безопасности – организацию борьбы с преступностью, неся всю полноту ответственности за ее состояние. Но насилие в советской семье не всегда получало должное внимание и являлось реальным приоритетом политико-правовой деятельности государства. Насилие в отношении женщин и детей рассматривалось не в контексте модульного обеспечения прав человека и гражданина, а в рамках правоохранительной процессуалистики. При этом роль органов милиции, суда и прокуратуры признавалась в этой области ключевой. Но реакция милиции на факты насилия в семье была зачастую неадекватна и носила неэффективный характер. При этом полностью возложить всю ответственность за неэффективные действия по профилактике насилия в семье на органы милиции было нельзя. К решению этой проблемы должны были быть привлечены различные государственные и общественные институты, которые, в свою очередь, предпочитали видеть единственным ее исполнителем милицию. Это не раз отмечали в УВД Леноблгорисполкомов, подчеркивал это и член Ленинградского городского суда П.Д. Дмитриев, в апреле 1971 г. прямо указывавший на коллективный характер ответственности за работу по обузданию насилия против женщин и детей в Ленинграде [4, с. 166]. Но должного осмысления проблемы, касающиеся организационно-правовых мер взаимодействия и координации всех правоохранительных органов, осуществляющих противодействие преступности, в 1960-е годы так и не получили.

На эффективность решения вопросов, касающихся насилия в семье оказали влияние различные факторы, в числе которых можно выделить следующие: органы милиции недооценивали масштабность и общественную опасность правонарушений, связанных с насилием в семье, полагаясь на их приватную природу и более вероятностный характер примирения конфликтующих сторон; в подразделениях милиции заявления потерпевших и свидетелей этих преступлений рассматривали как фиксацию в некотором смысле спровоцированных действий, придерживаясь посреднического, а не правоприменительного подхода; службы милиции не занимались профилактикой правонарушений в семьях, между членами которых в

быту возникали конфликты, в жизни которых имели место акты насилия, предпочитая разрешать возникающие конфликты в административном или уголовном порядке.

Большинство следователей и дознавателей органов внутренних дел не имели навыков по расследованию этой категории дел, не выносили соответствующих представлений и не рассчитывали на успешное судебное преследование лиц, подозреваемых в совершении насилия в семье (дела по признакам ст. 207 УК РСФСР возбуждались и расследовались крайне редко; следователи и дознаватели часто были не в состоянии правильно и четко оценить объективную сторону преступления, содержащую в себе понятие «реальность угрозы» и возможность ее доказывания). Нередко через некоторое время дела переквалифицировались на ст. 112 УК РСФСР с последующим их прекращением. Участковые инспектора и сотрудники уголовного розыска своевременно об этом в известность не ставились, в связи с чем оперативное наблюдение за поведением лиц, совершающими насилие в семье, должным образом не осуществлялось, профилактическая работа – не проводилась, что влекло за собой дальнейший рост случаев противоправного поведения и фактов насилия в семье [4, с. 165-166].

Таким образом, ни государственные, ни общественные институты уберечь многие советские семьи от морального и физического насилия ее членов не смогли. Органы милиции играли решающую роль в

сокращении случаев насилия в советской семье, оставаясь при этом в 1960-е годы один на один с данной проблемой вне широкого государственного общественного похода за образцовую коммунистическую семью.

Литература:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. №30. Ст. 595.
2. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI-XXI вв.) / Общ. ред. и сост. М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. - 200 с.
3. Иванов В.А. Социальный паразитизм в Ленинграде в 60-80-е годы как преступное поведение и проблемы борьбы с ним // Государство, общество, архивы в истории России. СПб.: Лики России, 2009. - С. 194-213.
4. Иванов Д.В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917-1991 годах. - СПб.: Издательство «Юридический центр», 2018. - 480 с.
5. Козырев Г.И. Проблема насилия в теории, массовом сознании и реальной жизни // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2000. №6. С. 85-100.
6. Лысова А.В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008. - №9. - С. 121-128.
7. Шихирев П. Психика и мораль в конфликте (о воспитательной силе зла) // Общественные науки и современность. 1992. - № 3. - С. 27-37.

Рецензент: к.ю.н., доцент Орозов Ж.Ж.